

Литература

- Борейко В.Е. (1999): Основные этические принципы заповедного дела. - Запов. справа в Україні. 5 (2): 1-3.
- Борейко В.Е. (2000): Эссе о дикой природе. Киев. 1-148.
- Бородин И.П. (1914): Охраняйте памятники природы. СПб: Импер. Рус. Геогр. об-во. 1.
- Штильмарк Ф.Р. (1999): Таинство заповедания. - Гуман. экол. ж. 1 (1): 35-45.
- Заповедники СССР. (1983): М.: Лесн. пром-сть. 1-248.
- Кожевников Г.А. (1909): О необходимости устройства заповедных участков для охраны русской природы. - Тр. Всерос. юбилейного акклиматиз. съезда 1908 г. в Москве. 1.
- Коршунова Е.Н. (1999): Миссия, цели и идеология государственного природного заповедника "Керженский". - Запов. вестник. № 8-9.
- Матюшкин Е. (2000): Традиции и приоритеты "заповедной науки". - Охрана дикой природы. 3: 33-36.
- Никольский А.А. (1996): Этика благоговения перед жизнью как концепция заповедного дела. - Про эко. (Бюл. Охрана дикой природы № 11). 15-17.
- Никольский А.А. (2000): Реформирование управления системой охраняемых природных территорий (ОПТ) Российской Федерации. - Заповедники и национальные парки. 30: 43-45.
- Положение о государственных природных заповедниках в Российской Федерации. - Сборник руководящих документов по заповедному делу. М.: WWF, 1996. 60-67.
- Приоритеты национальной экологической политики России. М.: Наука, 1999. 1-99.
- Реймерс Н.Ф., Штильмарк Ф.Р. (1978): Особо охраняемые природные территории. М.: Мысль. 1-293.
- Ретро-курьезы. - Заповедный вестник. 2000. 5: 7.
- Семенов-Тянь-Шанский А.П. (1921): Задачи момента в деле охраны природы в России. - Тр. первого Всероссийского съезда любителей мироведения. Пг. 195-197.
- Соловьев Д.К. (1918): Типы организаций, способствующие охране природы. - Сельское хозяйство и лесоводство. 256.
- Тетюр А.Н. (2000): Множество этик окружающей среды. Этика эмпатии. М.: РЭФИА. 1-20.
- Conwentz H. (1904): Die gefährdung der Naturdenkmäler und Vorschläge zu ihrer Erhaltung. Berlin.
- Frome M. (1995): Wilderness lies work. - Wild Earth. Spring: 67-73.
- Hargrove E. (1988): Foundations of environmental ethics. New Jersey: Prentice Hall. 1-229.
- Nash R. (1982): Wilderness and the american mind. New Haven-London: Yale Univ. Press. 1-430.
- Oelschlaeger M. (1991): The idea of wilderness. New Haven-London: Yale Univ. Press. 1-477.
- Gaard G. (1997): Ecofeminism and wilderness. - Environmental ethics. 19 (1): 5-25.
- Turner J. (1996): The abstract wild. Tucson: University of Arizona Press. 1-136.
- Why are canadian parks in peril? - WCPA Newsletter. 1999. 79: 7-8.

Памяти Михаэля Гржимека и других ученых, отдавших свою жизнь во имя спасения дикой природы, посвящается...

ЧЕТВЕРТАЯ ИДЕОЛОГИЯ ЗАПОВЕДНОГО ДЕЛА

В.Н. Грищенко

Каневский природный заповедник

Украина, 19000, Черкасская обл., г. Канев

e-mail: vitaly@aquila.freenet.kiev.ua; vgrishchenko@mail.ru

Он отдал все, что имел, даже свою жизнь, за то, чтобы сохранить диких животных Африки.

Надпись на могиле Михаэля Гржимека.

Будем двигать прогресс. Думаю, что статья В.Е. Борейко вызовет немалый интерес и жаркие дискуссии. Лично я в ней нахожу целый ряд исходных положений и выводов, которые считаю ошибочными.

Наука и заповедность

В.Е. Борейко, к сожалению, исходит из определения науки как удовлетворения собственного любопытства. Но почему наука не может служить охра-

не дикой природы? Он видит только нерадивых заповеднических “мэнэсов”, занимающихся всякой-такой наукообразной деятельностью, чтобы хоть как-то оправдать получаемую зарплату. Но можно привести и множество других примеров — когда ученые платили своими жизнями за постижение истины. Согласитесь, дороговатая цена для удовлетворения тривиального любопытства. И если инквизиторам удалось сломить Галилея, то Джордано Бруно и многие другие не отреклись от своих идей.

Вклад Бернгарда Гржимека в мировую охрану природы трудно переоценить. Только своими книгами он привел в природоохранное движение тысячи, если не миллионы людей. На легком одномоторном самолете Б. Гржимек прилетел вместе с сыном в Восточную Африку, и сын, увы, остался там навечно. Михаэль погиб, когда самолет столкнулся в воздухе с грифом... Он не катался и не любовался пейзажами. С самолета проводились учеты копытных и изучались пути их миграций. Благодаря этому и появился всемирно известный национальный парк Серенгети.

Можно вспомнить Джой Адамсон, Льва Капланова и многих других, но суть не в конкретных именах. Не только любопытства ради месяц ученые грязь болот или песок пустынь, подчас рискуя жизнью. Сам прогресс в деле охраны природы стал возможен лишь благодаря их подвижнической деятельности.

В нескольких своих работах В.Е. Борейко утверждает следующее: *“Экологическая этика в определенной степени расходится с экологией. Экология говорит то, что есть. Экологическая этика — то, что должно быть. Пора определиться, в чем состоит цель заповедников, для чего они создаются: для охраны дикой природы или ради науки? Союз “и” дальше невозмо-*

жен”. (Борейко, 1998а, 1998б). Но вся штука в том, что союз “и” тут и не нужен. Без науки никакая охрана природы просто невозможна. Экология говорит не только “то, что есть”, но и как достичь того, “что должно быть”. Охрана природы сродни медицине, только рассматривает она не отдельный организм, а системы более высокого уровня. Чего стоит здравоохранение без медицинской науки? Медики ведь изучают человеческие болячки для того, чтобы лечить людей. Ну зачем опускаться до уровня дремучего обывателя, свято уверенного в том, что хирург копается в его внутренностях лишь затем, чтобы написать диссертацию? Дал таблетку — и отвали! Увы, в жизни все несколько сложнее.

Скальпелем можно сделать операцию и спасти человеку жизнь, а можно и перерезать горло или вскрыть вены. Вопрос в том, в чьих руках он находится. Вот тут уже и нужны этические нормы. Но сами по себе они не могут заменить медицину. А ведь биоценоз, а тем более биосфера, устроены многократно сложнее, чем человеческий организм. Экология и есть анатомия и физиология биосферы, а охрана природы — биосферная медицина.

Да, наука и охрана природы далеко не всегда идут по одной дорожке. Но есть наука вообще, и есть наука об охране природы. Зачем все сваливать в одну кучу? Мелиорацию, создание гигантских каналов и водохранилищ, вырубку лесов тоже “освятили” ученые. Но при чем тут наука в заповедниках? Во время Второй Мировой войны немецкие и японские ученые проводили эксперименты на людях. Это позорное пятно, но это не повод для того, чтобы предать анафеме всю физиологию и медицину и не пускать медиков в больницы, на курорты, в санатории. Равно как “подвиги” инквизиции в прошлом — не повод, чтобы отказываться вообще от христианства.

А о том, что биологи не всегда в ладах с охраной природы, говорили давно и многие. Могу вспомнить, например, довольно-таки “ударную” статью Ф.Р. Штильмарка (1985) в журнале “Природа и человек”, выступившего против “видных” экологов, несмотря на “парадоксальный дуализм его позиции”. Опубликована она, кстати, еще до официального провозглашения гласности и перестройки.

Но точно так же не в ладах с охраной природы может быть и столь перевозносимая В.Е. Борейко эстетика. Само по себе восхищение красотой живого существа еще не означает стремления его сохранить. Можно любоваться цветком и сорвав его, чем большинство людей и занимается. Именно эстетическая ценность привела к тому, что многие виды растений попали в Красную книгу (Грищенко, 1997). Да и животным немало достается — эстетическая ценность меха и перьев, например. И как быть с “эстетикой убийства”, о которой пишет А.А. Никольский (1999)? Долой эстетику ради этики?

Любой человек, достаточно близко знакомый с нашей заповедной системой, может привести тьму примеров того, как браконьерством на заповедных территориях занимались работники охраны и администрация. Что, не было “сафари” с вертолетами в некоторых российских заповедниках? Так что, из-за этого вообще отказаться от штата сотрудников и охраны территории? Да и вообще, охрана ведь сейчас осуществляется для человека, не для самой природы. Давайте, в связи с этим, ее ликвидируем, может природе от этого станет легче.

Не понимаю, зачем вообще науку противопоставлять этике. Наука должна быть этичной — вот и все. С тем же успехом этику можно столкнуть с любым другим видом человеческой деятельности. Поскольку множество людей гибнет в дорожно-транспортных

происшествиях, нужно запретить все виды транспорта. Многие чиновники берут взятки — значит нужно ликвидировать все государственные структуры. Образование наше сильно хромает в плане этики — к черту школы и университеты и т. д., и т. п.

В погоне за эффектными кадрами режиссер фильма может себе позволить сжечь живое дерево или снимать сцены гибели животных на охоте. Но никому не придет в голову снимать картину реальной казни или в роли Набоковской Лолиты использовать в постельной сцене действительно двенадцатилетнюю девочку. Достоверностью приходится жертвовать ради моральных принципов. Такой фильм снять, конечно, можно, но за “Оскаром” или “Золотой пальмовой ветвью” с ним лучше не высываться. Не поймут. Этические принципы биоцентризма вполне начинают работать уже и в кинематографе. В титрах сейчас нередко можно увидеть фразу: “При съемках фильма ни одно животное не пострадало”.

То же самое относится и к научным исследованиям в заповедниках. Они должны строиться на определенных этических принципах. Этика отношения к живой природе важна для науки вообще. Заповедники — это лишь частный случай. Можно написать дипломную работу по питанию ворона, перестреляв всех воронов в округе. А можно информацию добыть и другим путем. Важна разработка щадящих методов исследования. И природоохранная общественность должна стимулировать ученых к этому, а не отметать науку с порога. Еще недавно орнитологи проводили изучение фауны птиц какого-либо региона с ружьями в руках. Пребывание вида на его территории считалось доказанным, если он был здесь добыт. Доказательствами служили чучела и тушки. Но сейчас все больше используются другие подходы. Далеко не во всех случаях удастся избежать

добычи животных, но уже на стадии планирования исследований можно определиться, насколько это необходимо, нельзя ли использовать иные методы, не будут ли попутно гибнуть другие виды и т. п. Профессионализм и добрая воля ученых помогут уменьшить бессмысленную гибель живых существ. В этом я совершенно согласен с А.А. Никольским (2000).

А что касается нигилистического отношения к науке, которое в последнее время все больше звучит в публикациях радикальных природоохранников, то нельзя не согласиться с К.М. Эфроном (1998): *“...безграмотная “охрана природы” смерти подобна”*.

Приоритеты в охране природы

У В.Е. Борейко охрана дикой природы и заповедное дело оказываются выданными из общего контекста охраны природы, из-за чего многие вещи выглядят абсурдными. Нужно сначала четко определить приоритеты и иерархию целей, из которых и нужно исходить. По моему мнению, высшей целью является сохранение богатства и разнообразия живой и неживой природы на Земле во всех ее проявлениях. Это, кстати, вполне соответствует основным положениям “глубинной экологии” (deep ecology) Арне Нэсса (Борейко, Поминова, 2000; Наэсс, Сесинс, 2000). Сохранение участков дикой природы, создание охраняемых природных территорий является одним из путей для достижения этой цели.

Я ничего не имею против того, чтобы создавались “святые места дикой природы”, сверхзаповедники или как их еще называть. Но при условии, что будут существовать и нормальные “научные” заповедники. Поскольку же новая концепция преподносится как идеология для заповедного дела вообще, давайте разберемся, чего мы хотим достичь. Заповедники важны для сохра-

нения не только участков природы в дикости и свободе, но и определенных экосистем, уникальных природных объектов, редких видов.

Я уже писал, что конкретный заповедник нужно рассматривать не как остров в океане, а как часть совокупности охраняемых природных территорий (Грищенко, 1998). В таком случае гораздо легче разрешаются многие тупиковые ситуации. По моему мнению, глобальные стратегические задачи могут ставиться лишь перед целой системой охраняемых природных территорий. Каждая же из них в отдельности должна иметь задачи более конкретные. Этими задачами и должна определяться тактика нашей деятельности. Если в заповеднике обитает популяция какого-нибудь исчезающего вида, то при необходимости мы должны принять меры для ее спасения, хотя и придется нарушить “принцип невмешательства”. Степень этой необходимости можно определить только в системе охраняемых природных территорий в целом. Если данный вид охраняется и в других заповедниках, а вмешательство чревато серьезными последствиями для экосистемы, то этого лучше не делать. Но когда мы имеем дело с последней свободноживущей популяцией вида в мире, а для ее спасения нужно пожертвовать чем-то более тривиальным, то постановка вопроса о вмешательстве уже вполне правомерна. Аналогичным образом, если заповедник охраняет, например, уникальную колонию морских птиц, мы должны принять меры для ее спасения, даже когда ей угрожает гибель от вполне природных явлений — затопление острова при подъеме уровня моря и т. п. Так, на островах Черноморского заповедника гнездится около 90 % мировой популяции черноголовой чайки (Зубакин, 1988). Для сохранения этих островов допустимо вмешательство, какие бы природные процессы им не угрожали.

Еще один пример, менее “катастрофичный”. В заповеднике обитает последняя свободноживущая популяция исчезающего вида. Можно восстановить его на других территориях, но для этого нужно изучить особенности экологии и лимитирующие факторы. Если хранители “святых дикой природы” станут в позу — “Не могу поступаться принципами”, вид будет обречен на угасание. Такая ситуация вовсе не теоретическая, примеров можно найти сколько угодно. Азиатский лев остался в природе только в одном месте — в национальном парке “Гирский лес” в Индии. Единственное дикое стадо равнинного зубра к началу XX века сохранилось в Беловежской пуще. Американский журавль гнездится только в национальном парке Вуд-Баффало в Канаде. И еще вопрос: допустимо ли расселение исчезающего вида с территории с режимом абсолютной заповедности? Или обратная ситуация — реакклиматизация здесь ранее исчезнувшего вида? Ведь лошадь Пржевальского да и того же зубра можно вернуть в дикую природу.

С перелетными птицами еще сложнее, их нужно охранять не только в местах гнездования, но и на путях пролета и зимовках. Для этого нужно их как минимум найти. В.Е. Борейко (1999а) считает, что *“мы и так сейчас обладаем достаточными знаниями для охраны дикой природы, а не хватает нам как раз другого — эколого-этических императивов”*. Мне хотелось бы получить рекомендации как спасти, например, тонкоклювого кроншнепа. Есть “эколого-этический императив”, есть большое желание помочь, не хватает самой малости — информации. Мы до сих пор не знаем даже, где он гнездится. Одна лишь экологическая этика тут бессильна что-либо сделать. Так же как не может нам она подсказать, что сделать для того, чтобы прекратить быстрое снижение численно-

сти сизоворонки, домового сыча, хохлатого жаворонка и многих других видов.

Пример с американским журавлем весьма поучителен. Если бы с свое время не нашли его гнездовья, не удалось бы и реализовать программу по спасению вида с жестким контролем от гнезд до зимовок. В 1952-1957 гг. в резервате Арансас в Техасе — единственном месте зимовки — оставалось всего 20 птиц (Фишер и др., 1976). А американский журавль, помимо всего прочего, имеет и огромную эстетическую ценность.

Можно вспомнить и Олдо Леопольда: *“Обыватель в наши дни убежден, что наука знает, чем живо сообщество, ученый же не менее твердо убежден, что ему это неизвестно. Он отдает себе отчет в невероятной сложности механизма биоты, который, возможно, так никогда и не удастся понять во всех частностях”* (Леопольд, 1983).

Я не призываю сплошь и рядом лазить в абсолютно заповедные зоны и заниматься там “спасательными работами”, но бывают ситуации, когда это необходимо. Если же последовательно придерживаться абсолютизированной доктрины сохранения природы “в дикости”, это вообще может привести в отдаленном будущем к тому, что мы будем иметь абстрактную философскую идею на голых камнях. Ведь даже гибель жизни на Земле в целом может произойти по вполне естественным причинам, например, вследствие какого-нибудь космического катаклизма. Должны ли мы этому как-то воспрепятствовать, подобно библейскому Ною спасая не только свою шкуру, или пусть летит все в тартарары во имя торжества дикости? Поскольку ситуация, к счастью, из области научной фантастики, можно предложить и столь же фантастические пути решения — предотвращение катастрофы, перенос жиз-

ни на другую планету и т. п. Но в философском плане такая постановка вопроса вполне приемлема.

Косить — не косить?

Отрицание науки в заповедниках приводит и к полному игнорированию ее результатов. А между тем за более, чем столетнюю историю отечественного заповедного дела неоднократно велись жаркие дискуссии о принципах заповедности, о заповедном режиме, о возможности вмешательства в природу заповедников и т. п. Приходится снова толочь ту же воду, но в другой ступе.

Давно уже стало ясно, что абсолютную заповедность реально поддерживать лишь в заповедниках большой площади, желательна, к тому же, расположенных в мало населенной местности. В маленьких заповедниках да еще посреди окультуренного ландшафта практически не обойтись без тех или иных регуляционных или поддерживающих мероприятий. Например, степные заповедники в Украине и Европейской части России изначально имеют неполноценную экосистему из-за того, что отсутствуют крупные копытные. Нужно каким-то образом искусственно поддерживать динамику растительности. Приходится выбирать, что иметь — “дикую” природу, но не совсем степь, или степь, но не совсем дикую.

В заповедниках, расположенных возле крупных населенных пунктов, например, Каневском, существует проблема бродячих собак. Их приходится отстреливать, и я считаю такое вмешательство человека только благом для дикой природы. Во-первых, это неестественный компонент природной экосистемы (элемент “окультуривания” дикой природы). Шла бы речь о волке — разговор был бы другой. Во-вторых, бродячие собаки входят в экосистему “только одной ногой”, поскольку

ку не подчиняются ее законам. Классическая модель взаимоотношений “хищник — жертва” не подходит, потому что существует постоянный приток новых собак из окрестных населенных пунктов.

Не существует единственно правильного рецепта на все случаи жизни. Косить — не косить, рубить — не рубить, стрелять — не стрелять, нужно решать отдельно в каждом конкретном случае. И решение должно приниматься на основании данных науки. Для этого наука должна, как минимум, отслеживать ход природных процессов в заповеднике. А вот для того, чтобы периодическое выкашивание не превращалось в заготовку сена, а регуляция численности животных — в охоту, и нужны “эколого-этические императивы”.

Я совершенно согласен с тем, что человек должен “подвинуться” и дать возможность жить и другим существам на планете. Но он уже столько “наломал дров”, что мало просто уступить место, нужно еще и помочь этому Совершенно Иному выжить. Предлагаемый же путь охраны дикой природы напоминает средневековый метод “лечения” чумы. Населенный пункт, в котором началась эпидемия, окружался цепью солдат. Никого не впускали и не выпускали. Вот уж где природа могла разгуляться по своим законам! Кто выжил — “слава Богу”, не получилось — “на все воля Божья”. Так же поступали и американские власти, сгоняя индейцев в резервации, где те постепенно вымирали.

Это в середине прошлого века в Америке можно было оградить кусок “дикого Запада” и просто туда не лазить. Там бы сами по себе сохранились и прерии, и громадные стада бизонов, и много чего другого. Но сейчас такого “дикого Запада” уже нет нигде, даже в Антарктиде. Последствия человеческой деятельности стали глобальными.

Что означает сохранение дикой и

первозданной природы, например, в Австралии или Новой Зеландии? Должны ли мы, выделяя “святилище”, уничтожить на его территории многочисленные интродуцированные виды или же оставить все как есть? Если второе, то это уже не будет “дикая” природа, ибо она испохаблена неразумным вмешательством человека, если первое, то жить она будет не только по своим законам, и как быть с этикой благоговения перед жизнью? Тем более, что уничтожать вселенцев придется и дальше. Никакой забор или строгий указ преградой им не послужит. То же самое относится и к океаническим островам, где придется разбираться с козами, кошками, крысами и прочими спутниками человека. Красота кабинетных теорий заметно тускнеет уже за дверью кабинета.

О философских понятиях

Если мы поднимаем знамя экоцентризма, то нужно хоть последовательно его придерживаться. Философы вносят несусветную путаницу, употребляя термины “биоцентризм” и “экоцентризм” к месту и не к месту, поэтому давайте в этом немного разберемся. В принципе, трамваем можно называть все, что угодно, надо только четко оговорить, что под этим подразумевается. Оговорю и я, какой смысл вкладываю в эти два понятия. Биоцентризм распространяет этические нормы на отношения с другими живыми существами, помимо человека, в своей крайней форме — на все. Для него важна жизнь как таковая. В экоцентризме подход другой, в некоторых аспектах эти две концепции вообще противоположны. Экоцентризм во главу угла ставит интересы не особи, а сообщества. Биоцентризм характерен для западной философии индивидуализма, которая высшей ценностью провозглашает человека в противовес государству и обще-

ству. В Советском Союзе же, например, система ценностей была иной — “сегодня не личное главное”. С. Келлерт (1996) называет эти два направления этики биоцентрическим индивидуализмом и экоцентрическим холизмом.

Здесь важно отметить один момент. Именно такой индивидуализм, переросший в эгоизм, “грех гордыни”, как называет его С.Н. Мухачев (1997), и является одной из причин нынешнего экологического кризиса. То есть, биоцентризм сам по себе достаточно шаткая основа для охраны природы. В экоцентризме же пирамида ценностей повернута в противоположную сторону, по сравнению с биоцентризмом. Для него наибольшей ценностью является сообщество наивысшего уровня — биосфера, ценность особи оказывается наименьшей. Таким образом, шкалы ценностей экоцентризма и самой природы совпадают. Природа оперирует популяциями, видами, экосистемами, а особь для нее — вообще ничто. От испарения капли океан не обмелеет. То есть, экоцентризм — это не только этика природы, но и природная этика.

Олдо Леопольд (1983) так формулирует “золотое правило” этики земли: *“...хороша любая мера способствующая сохранению целостности, стабильности и красоты биотического сообщества. Все же, что этому препятствует, дурно”*. С поправкой Б. Кэлликотта (1999) на динамичность природы это звучит следующим образом: *“Вещь является правильной, когда она имеет тенденцию потрясать природную систему только в нормальных пространственных и временных масштабах. Она является неправильной, когда она имеет противоположную тенденцию”*. Прошу обратить внимание, кстати, что все основные параметры — целостность и стабильность сообществ, нормальность пространственных и временных масштабов мож-

но определить только на основе данных экологической науки.

Согласно этому “золотому правилу”, вполне приемлемыми являются определенные регуляционные мероприятия в заповедниках. Например, снижение численности не в меру размножившихся копытных, поскольку это поддерживает целостность и стабильность экосистемы. Не запрещает это правило и “безвозвратное изъятие” в небольшом объеме массовых короткоживущих и быстро размножающихся видов. То, что вы прихлопнули комара у себя на руке в заповедном лесу, на природное сообщество в целом никак не повлияет. Стоит ли все это делать — тема для отдельной дискуссии. В данном случае важно другое — из эгоцентризма, провозглашенного “генеральной линией”, вовсе не вытекает необходимость абсолютного невмешательства человека в дикую природу, недопустимость “даже минимального научного, рекреационного, образовательного или религиозного освоения”. То есть, для обоснования всего этого придется поискать другую философскую доктрину.

Зато из этики земли следует, что наибольшее внимание мы должны оказывать компонентам, наиболее значимым для сообщества (например, видам-эдификаторам) и наиболее уязвимым. Об этом же пишет и С. Келлерт (1996). Красота природного сообщества — явление достаточно сложное, если, конечно, не сводить все к чисто чувственным восприятиям человека. С моей точки зрения, она включает в себя гармоничность функционирования системы, богатство и разнообразие жизни. Если конкретное сообщество рассматривать не само по себе, а как часть сообщества более высокого уровня, можно выстроить иерархию ценностей. Полное исчезновение любого вида обедняет жизнь на Земле, это “вещь неправильная”, она уменьшает “красоту” приро-

ды. Следовательно, с позиций эгоцентризма будет вполне этичным нарушить “дикость” какой-либо территории для предотвращения исчезновения вида (подвида) или экосистемы с лица Земли.

Несколько слов о проблеме благоговения перед жизнью в заповедниках. По моему мнению, это более важно для человека, чем для самой природы. Есть этика поведения человека в природе и есть этика поведения человека как человека. Если уж мы выделяем какую-то территорию исключительно для дикой природы, то из этических соображений должны уважать всякую жизнь, там пребывающую. А для оленя, например, все равно, от чего погибать — от пули или от хищников. Меткий выстрел, быстро обрывающий страдания, даже более гуманен, чем изнурительная погоня волчьей стаей или охота геновых собак, вспарывающих брюхо своей жертве.

Нетрудно заметить, что “золотое правило” этики земли не запрещает, скажем, проведение учетов численности мышевидных грызунов в заповеднике с помощью давилок. На сообществе в целом это никак не отразится, численность их очень быстро восстанавливается. То же самое относится к насекомым и многим другим видам животных. Более того, при определенных обстоятельствах вмешательство человека в природу может даже повышать стабильность и “красоту” сообщества. Например, вырубка небольшого участка в густом сплошном лесу, после чего появляется травянистая поляна. Повышается разнообразие биотопов, для многих животных появляются дополнительные кормовые ресурсы. Возрастает богатство и разнообразие жизни в сообществе в целом.

Таким образом, приходим к еще одному интересному выводу. В чистом виде эгоцентризм вряд ли годится для идеологии заповедного дела. Нужны

дополнительные ограничители, чтобы не “наломать дров”. Тем более, что и сам О. Леопольд представлял этику земли как добавление к внутривидовой этике, а не замену ее (Кэлликотт, 1999). Линия идеологии должна пролегать где-то посередине между биоцентризмом и эоцентризмом. Принять чистый биоцентризм также нельзя, пирамида его ценностей повернута в другую сторону, о чем уже говорилось выше. Последовательно придерживаясь этой доктрины, можно прийти к выводу, что клетка организма ценнее самого организма, как это справедливо отмечает С.Н. Мухачев (1997).

Этика благоговения перед жизнью в качестве концепции заповедного дела (Никольский, 1996), по моему мнению, должна быть дополнена нормами эоцентризма. Главное для нас все-таки сохранить экосистему в заповеднике, а не отдельные живые существа. И если их ценности приходят в противоречие друг с другом, приходится выбирать — что важнее. Тем более, что А. Швейцер, как отмечает В.Е. Борейко (1999а), не разработал правила разрешения конфликтных и кризисных ситуаций.

Согласно этике благоговения перед жизнью А. Швейцера, *“там, где я нахожу вред какой-либо жизни, я должен ясно сознавать, насколько это необходимо. Я не должен делать ничего, кроме неизбежного, — даже самого незначительного”* (Швейцер, 1992). Другими словами, мы признаем, что причинять ущерб жизни неэтично, но вынуждены время от времени это делать в силу необходимости. Необходимость и возможность подобных действий как раз и можно определять с учетом норм эоцентризма и этики благоговения перед жизнью (или других биоцентрических систем). Например, у нас есть возможность убить какое-либо животное (эоцентризм это не запрещает, поскольку на сообществе это никак не отразится), но нет необходимости —

мы не должны этого делать. С другой стороны, если мы признаем необходимым какое-то действие, но оно принесет непоправимый ущерб экосистеме заповедника, — от этого также нужно воздержаться. Нельзя осушать болото в заповеднике, даже если оно грозит подтоплением окрестных сел.

Приоритет нужно отдавать интересам систем более высокого уровня, т. е. шкала ценностей должна быть все-таки эоцентрической. Жизнью особи можно пожертвовать ради спасения сообщества (это не противоречит и этике благоговения перед жизнью — необходимость налицо), но если речь идет об исчезновении вида и обеднении биосферы, мы должны вмешаться, пусть даже с ущербом для экосистемы. Экосистема, в свою очередь, может оказаться уникальной, а ущерб для нее слишком большим. В таком случае принять окончательное решение можно будет лишь тщательно взвесив все “за” и “против”.

Вот для распутывания таких головоломок и нужна наука. Одной схоластикой тут не обойтись. Проще всего — отгородить “дикую природу” забором и пусть там делает, что хочет.

Не является почвой для “третьей идеологии” заповедного дела и этика дикой природы Линды Грэбер (1999). Прежде всего, я вообще не стал бы ее отождествлять с эоцентризмом, подход у этого эофилософа совершенно иной (чуть не написал эти два слова с большой буквы). Если О. Леопольд включает человека в экосистему в качестве ее “простого члена и гражданина”, то Л. Грэбер противопоставляет человека дикой природе. В ее учении вообще больше религиозной мистики, чем собственно этики и охраны природы. *“Аксиомой этики дикой природы является то, что дикая природа — это проявление “Совершенно Иного”, отличного от человека, и которое, в связи с этим, необходимо ценить”* (Грэбер, 1999). Совершенно Иное, по терминологии религиозного философа

Рудольфа Отто, — это некая загадочная божественная сила. Мне, честно говоря, не понятно, почему сам человек не может быть проявлением Совершенно Иного, если признается его божественное происхождение. Ведь проявлением божественной силы является сама жизнь, в любой ее форме.

Л. Грэбер (1999) исходит из вполне рационального, а не мистического, определения дикой природы, данного в соответствующем законе США. Она принимает ее как территорию, *“где земля и ее сообщество жизни малознакомы с человеком и человек сам является посетителем, который там долго не задерживается”*. *“Согласно этике дикой природы, области дикой природы — это земные версии порядка и совершенства, где человек может наиболее полно “переволноваться”*. <...> *Дикая природа является зоной совершенства, в которую человек может войти”*. Ну и при чем тут абсолютная заповедность? Такая концепция вполне соответствует идеологии американских национальных парков, но это шаг назад по сравнению с отечественным заповедным делом.

Вообще нельзя не заметить, что у Л. Грэбер вся этика дикой природы вращается больше вокруг человека, чем самой природы. Человек идет к ней ради ощущения святости, для отрешения от мирской суеты, дикая природа способствует “контакту со святой силой”, помогает “достичь возвышенного состояния”. За всем этим идут в храм. Л. Грэбер и рассматривает дикую природу как своеобразный храм для человека (точнее, для “истинных приверженцев дикой природы”). По сути, это религиозная доктрина — эклектичная смесь пантеизма (“геонабожности”) и христианства. Хотя учение Л. Грэбер и важно для охраны природы, в нем слишком много от антропоцентризма. По большому счету, это называется эксплуатацией дикой природы в религи-

озных целях. Годится для обоснования абсолютной заповедности в интересах самой природы?

В.Е. Борейко повторяет слова Юджина Харгроува, что “наука способствует триумфу факта над ценностью”. А почему факт не может сам по себе быть ценностью? Или шире — информация? Ведь это тоже часть мироздания, причем даже не биосферы, а Вселенной. Если все в природе имеет внутреннюю ценность, то наверное и информация тоже?

Что касается “доктрины морально-нейтралитета в отношении защиты дикой природы”, то, наверное, моральный нейтралитет — вообще единственно приемлемая линия поведения человека в дикой природе. Когда мы видим, что синица поймала гусеницу, должны ли мы спасти насекомое и прогнать птицу? Можно спасти гусеницу, но в таком случае мы обрекаем птенцов синицы на страдания от голода. Это этично? Если рассматривать эту проблему в общем плане, нетрудно заметить, что поддержав одну из сторон конфликта, мы в конечном итоге обрекаем на гибель обе. Птицы погибнут от голода, а насекомые — от перенаселения. Увы, природа устроена так, что жизнь и смерть сплетены в неразрывный клубок. Кроме того, перенося человеческие представления об этике на дикую природу, мы неизбежно окультуриваем ее, чего так опасается В.Е. Борейко.

О логических ловушках и парадоксальном дуализме

В.Е. Борейко пытается ловить критикуемых им авторов на логических противоречиях. С моей точки зрения это выглядит мало убедительно, но дело не в этом. Мой старый соратник по общему “безнадежному” делу сам нарыл столько “волчьих ям” на проторенном им пути, что мне интересно, как

по нему будут двигаться его возможные последователи. И уж чего-чего, а парадоксальности и дуализма в его работах предостаточно.

Нам много раз рассказывалось о том, каким благом для человека, для возвышения его души является общение с подлинно дикой природой. Вместе с тем предполагается полностью оградить остатки дикой природы от людей. Столь любимые В.Е. Борейко американцы хоть более последовательны в этом — ни национальные парки, ни области дикой природы (wilderness areas) не закрыты для посещений. Охрана дикой природы совмещается с сохранением культурных ценностей и остатков аборигенных народов, а не противопоставляется этому. Есть даже такие понятия — wilderness management и wilderness planning (Tranel, 2000).

Далее. В.Е. Борейко (1999б, 2000а) предлагает создать “религию природоохраны”, основанную на поклонении участкам дикой природы. Вместе с тем, взятая на вооружение идеология отрицает возможность “даже минимального научного, рекреационного, образовательного или религиозного освоения” таких охраняемых природных территорий. Но если не тут поклоняться, то где? Участков первозданной природы в большинстве стран осталось не так уж много и, по идее, все их нужно взять под охрану. Или придется создавать заповедники отдельно для охраны, отдельно для поклонения? Может, поклоняться будем заочно? Так тогда с тем же успехом можно молиться девственным лесам каменноугольного периода. И как быть с преданным анафеме ресурсизмом? Ведь поклонение участкам дикой природы автоматически означает их использование в качестве ресурса, пусть даже и в возвышенно-благородных целях. По Н.Ф. Реймерсу (1990), ресурсы — это “любые источники и предпосылки получения необходимых людям материальных и духовных благ”.

Но это еще цветочки. Принятие такой идеологии порождает целый комплекс философских, этических и даже религиозных проблем, которые вряд ли будут решены в обозримом будущем. Я уже не говорю о такой “прозе”, как экономические интересы человека. Допустим, он согласился отдать часть своих владений под “резервации” для дикой природы. Идем последовательно дальше. По В.Е. Борейко (1998а, 1999а), “дикой природе там должно быть позволено все”. Прекрасно. Но если так, то действительно *все* — вплоть до возможности убивать самого человека. Волки или тигры из этих “святилищ дикой природы” должны иметь возможность беспрепятственно пожирать в окрестных селениях не только овец и коров, но при случае — и их хозяев. Не нужно обладать даром ясновидящего, чтобы спрогнозировать дальнейшее развитие ситуации. После нескольких таких случаев “святилище” будет сметено местными жителями.

Идем еще дальше. То, что принято относить к “темным силам”, — это также часть дикой природы, враждебная человеку. Леший, водяной, нимфы источников и т. п. — это ведь порождения не индустриального мира. Это персонализация сил природы, с которыми человек сталкивался с древнейших времен. Отвлечемся от мифологичности персонажей. Речь ведь идет о философских принципах. К тому же божественность дикой природы — тоже вопрос дискуссионный. Охраняя *все* в дикой природе, придется признать право на существование и этого мира. Интересно, как к такой постановке вопроса отнесется церковь? В.Е. Борейко все призывает использовать ее влияние и авторитет для охраны заповедников. В такой ситуации “святилища” могут ожидать скорее анафемы или крестового похода, чем поддержки.

88 % опрошенных американцев поддерживали ценность национальных парков для будущих поколений (Тра-

nel, 2000). В Канаде национальные парки заняли третье место среди символов государства после флага и гимна (Борейко, 1999в, 2000а). Интересно, добьемся ли мы хоть когда-нибудь чего-то подобного, если полностью спрячем дикую природу от людей? Ведь в конечном итоге успех охраны природы зависит от отношения к ней широкой публики, а не отдельных радикальных экофилософов. А заповедники, если последовательно придерживаться предлагаемой идеологии, нельзя даже показывать ни на фотографиях, ни в кино, нельзя ничего рассказывать о них. Ведь это уже использование — “минимальное образовательное освоение”. Земля для человека просто станет меньше, а заповедники превратятся в белые пятна на картах, как за это ругает Дж. Тернер (Turner, 1996).

Интересно, что при всем при этом даются следующие рекомендации: *“пришла пора ... устраивать выставки картин и фотографий о заповедных объектах”* для поднятия их авторитета; *“большое значение имеет официальное посещение заповедников и национальных парков первыми лицами государства”*; *“стимулировать интерес населения к заповеднику можно путем проведения среди местных жителей конкурса “Что вы знаете о нашем заповеднике?” с поощрением участников”* (Борейко, 2000а). Предлагаемые меры хорошо согласуются со “второй идеологией”, но никак не с “третьей”.

В.Е. Борейко (1999в, 2000а) призывает нас считать заповедники гордостью и достоянием нации. Но можно ли гордиться белым пятном на карте? Территорией, о которой ничего не известно, помимо того, что она есть? Речь-то идет не только об “идейно закаленных” природоохранниках, но и простых обывателях. Ведь, строго говоря, на эту территорию даже не распространяется суверенитет государства (коль уж природа получает полную независимость

от человека). Граница заповедника превращается во frontier, служба охраны — в пограничную стражу. Романтика “дикого Запада”...

Картина выглядит интересно, только маленькая деталь — принимать решения о создании таких “сверхзаповедников” могут парламенты, премьер-министры, президенты, а эта публика имеет склонность приращивать всеми силами территорию государства, а не раздавать ее налево и направо. Пусть радикальные природоохранники предложат В. Путину и Госдуме превратить Курильские острова в “святилище дикой природы” и стереть их с карт, чтобы они не достались ни россиянам, ни японцам. После этого вся Россия моментально вспомнит о национальной гордости, но это уже будут не заповедники...

Охрана природы — это не только философия, но и политика. А политика, как известно, — “искусство реального”. Так что давайте быть реалистами. Примечательно, что важность этого отмечает и сам В.Е. Борейко: *“Нужно стараться, чтобы в создании заповедников и национальных парков были заинтересованы политические силы и социальные группы, имеющие огромное влияние на общество”* (Борейко, 2000а).

И еще о парадоксальном дуализме и двойственной морали. Есть один аспект, который старательно обходится десятой дорогой. Если признается возможным выделять территории, где дикая и свободная природа могла бы существовать только по своим законам и где ей было бы позволено все, почему не поставить вопрос о выделении подобных территорий для индейцев, эскимосов, маори, эвенков, ненцев, чукчей и других коренных народов? Ведь они были вытеснены со своих земель, привычный уклад жизни, а зачастую и среда обитания разрушены, навязаны другие ценности и верования. Поскольку

речь идет не о политической или экономической целесообразности, а о высоких моральных принципах, постановка такого вопроса вполне к месту. Слова “этика” и “мораль” упоминаются чуть ли не в каждом абзаце. Давайте тогда уж быть последовательно этичными, иначе получается мораль двойных стандартов. Мы слышаны, что все в природе имеет свою цель и равную ценность, тогда почему ценность кустарников и лягушек оказывается большей, чем ценности коренных народов?

В.Е. Борейко считает, что *“идеология классического заповедания провоцирует постоянный конфликт между заповедником и местными жителями. Последние никак не могут уразуметь, почему им запрещено охотиться в заповеднике, а научным сотрудникам нет, почему студентам-практикантам можно бродить по заповеднику, а им — нет. Невозможно это объяснить и с позиции экологической этики”*. Ну, во-первых, дело тут не столько в идеологии, сколько в местных жителях — тут и образование, и моральный уровень, и нищета, и межнациональные противоречия, и много чего другого. Некоторые из них точно так же не могут взять в толк, зачем на доме висит мемориальная доска, если можно сдать ее в металлолом и заработать на выпивку. С местными жителями нужно много и упорно работать, о чем много раз писал и сам В.Е. Борейко.

Во-вторых, такая постановка вопроса в значительной степени надумана. Перейду на аналогии, столь любимые в последнее время частью природоохранников, может так будет понятнее. В храме его служителям разрешается заходить туда, куда не пускают прихожан, это вполне естественно и дурных вопросов не вызывает. На завод тоже не пускают кого попало с улицы. Добыча животных научными работниками — это не охота (разумеется, если речь

не идет о тривиальном браконьерстве под прикрытием науки). Точно так же, как причастие в церкви — не то же самое, что распитие бутылки “Кагора” на троих. Все прекрасно объясняется и с позиций экологической этики, не буду повторять того, о чем говорилось раньше.

Но более важно в данном случае другое. Интересно, а как при создании заповедника на чисто *этических* принципах объяснить местным жителям, почему пришлые люди запрещают им заходить на земли, на которых испокон веков жили их предки? Почему признаются моральные права других видов и право на свободу дикой природы, но отрицаются моральные права и права на свободу других людей? Чрезмерное увлечение этикой может завести нас в такие дебри, что будет уже не до охраны природы, так что лучше немного уменьшить ораторский пафос.

Идеология заповедного дела

Предлагаемая В.Е. Борейко концепция годится в качестве затравки для философских дискуссий, но идеология — это то, чем руководствуются в повседневной жизни, поэтому важен еще и практический аспект. Ведь речь идет уже не о создании “этических заповедников” (Борейко, 1999а) в дополнение к существующим, а о подгонке под новую доктрину действующей системы заповедников: *“Идеология борется за то, чтобы ввести в определенное русло предполагаемую практику”* (Борейко, 2000б).

Идеология заповедного дела должна способствовать его развитию. Для этого важно, чтобы она была приемлемой не только для узкого круга природоохранников. Ультрарадикальные подходы в охране дикой природы пока не очень-то приветствуются и в Америке, а уж у нас они и тем более не будут восприняты ни политиками, ни рядо-

выми согражданами. Сейчас создание охраняемых природных территорий даже с позиций дремучего ресурсизма натывается на противодействие со всех сторон, научные интересы считаются блажью (причем уже не только хозяйственниками, но и некоторыми природоохранниками), а уж о правах дикой природы и Совершенно Ином министерский чиновник слушать и вовсе не станет. То есть, принятие далекой от реалий жизни идеологии может привести к полному краху заповедного дела. Трагедии 1951 и 1961 годов ведь связаны прежде всего с тем, что тогдашнее руководство страны просто не понимало, зачем они вообще нужны, эти заповедники. Вспомните, хотя бы, тираду Хрущева по этому поводу. Нынешние государственные деятели уже щеголяют словами “экология” и “биоразнообразии”, но особого рвения в охране природы по-прежнему не наблюдается. Недавние события в России — лучшее тому подтверждение. В других странах СНГ ситуация ничуть не лучше. А ведь заповедники — это государственные учреждения.

Между прочим, первыми, кто захочет поддержать предлагаемую идеологию заповедного дела, могут стать чиновники соответствующих министерств и ведомств. Для них выгодно сократить научные отделы в заповедниках, получив тем самым немалую экономию средств. При постоянных проблемах с финансированием благодаря этому можно сохранить свои собственные кресла. Поможем им в этом теоретическими обоснованиями? А потом будем сокрушаться: “Хотели как лучше, а получилось как всегда”.

По моему мнению, основой новой идеологии заповедного дела может быть классическое заповедание, базирующееся на науке, но с другими моральными ориентирами — к природе, а не к человеку. Наука в заповедниках должна служить интересам самой

природы. Из этого нужно исходить при выборе тематики и методов исследований. Наука — лишь инструмент, средство для достижения цели, но не сама цель, и не надо ее демонизировать.

По сути, это синтез второй и третьей идеологий, по терминологии В.Е. Борейко. Такая синтетическая идеология поможет сдвинуть дело с мертвой точки, как в свое время синтетическая теория эволюции послужила толчком к развитию науки. Она будет и более приемлемой в практическом плане, поскольку мы не делаем чересчур резких телодвижений, и речь идет о хорошо знакомых и привычных вещах.

Предлагаемые “этические” заповедники могут рассматриваться как новая категория охраняемых природных территорий, дополняющая существующие, но ни в коем случае не как замена действующих заповедников.

Нельзя не отметить и важность разработки философских основ идеологии заповедного дела. В СНГ, да и во многих других странах, это направление философской мысли все еще пребывает на эмбриональной стадии.

Литература

- Борейко В.Е. (1998а): Святители дикой природы. Наброски к идеологии заповедного дела. Киев. 1-107.
- Борейко В.Е. (1998б): Идеология для заповедного дела. - Збереження біорізноманіття й заповідна справа в Україні. 6: 3.
- Борейко В.Е. (1999а): Прорыв в экологическую этику. Киев. 1-122.
- Борейко В.Е. (1999б): Божественное в дикой природе: попытка анализа и религия охраны природы. - Гуман. экол. ж. 1 (2): 38-39.
- Борейко В.Е. (1999в): Радикальный взгляд на заповедное дело. Нематериальные ценности ООПТ. М.: Экоцентр “Заповедники”. 1-22.
- Борейко В.Е. (2000а): Постигание экологической теологии. Киев. 1-87.
- Борейко В.Е. (2000б): Эссе о дикой природе. Киев. 1-143.
- Борейко В., Поминова Е. (2000): Зарубежные философы дикой природы. Киев. 1-117.
- Грищенко В.Н. (1997): Эстетика и охрана птиц: вместо послесловия. - Беркут. 6 (1-2): 87-89.

- Грищенко В.Н. (1998): О стратегии и тактике в заповедном деле. - Роль охоронюваних природних територій у збереженні біорізноманіття: Мат-ли конфер., присвяч. 75-річчю Канівського природного заповідника. Канів. 11-13.
- Грэбер Л. (1999): Дикая природа как священное пространство. Киев. 1-50.
- Зубакин В.А. (1988): Черноголовая чайка. - Птицы СССР. Чайковые. М.: Наука. 77-85.
- Келлерт С. (1996): Об экологической этике. - Про эко. (Бюл. Охрана дикой природы № 11). 20-21.
- Кэлликотт Б. (1999): Природоохранные ценности и этика. - Гуман. экол. ж. 1 (2): 40-67.
- Леопольд О. (1983): Календарь песчаного графства. М.: Мир. 1-248.
- Мухачев С. (1997): Уравнение глобальной этики как исток безнравственности. - Любовь к природе: Мат-лы междунар. школы-семинара "Трибуна-6". Киев. 174-181.
- Наэсс А., Сессинс Дж. (2000): Платформа глобальной экологии. - Гуман. экол. ж. 2 (1): 56.
- Никольский А.А. (1996): Этика благоговения перед жизнью как концепция заповедного дела. - Про эко. (Бюл. Охрана дикой природы № 11). 15-17.
- Никольский А.А. (1999): Этика благоговения перед жизнью — против эстетики убийства. - Гуман. экол. ж. 1 (1): 7-10.
- Никольский А.А. (2000): Профессионализм и добрая воля — альтернатива убийству. - Гуман. экол. ж. 2 (1): 16-19.
- Реймерс Н.Ф. (1990): Природопользование. М.: Мысль. 1-637.
- Фишер Д., Саймон Н., Винсент Д. (1976): Красная книга. Дикая природа в опасности. М.: Прогресс. 1-480.
- Швейцер А. (1992): Благоговение перед жизнью. М.: Прогресс. 1-572.
- Штильмарк Ф.Р. (1985): Что мы творим? - Природа и человек. 1.
- Эфрон К.М. (1998): Об одном эволюционном приспособлении и его значении в охране природы. - Бюл. МОИП. Отд. биологич. 103 (3): 3-9.
- Tranel M.J. (2000): Incorporating non-material values in wilderness planning for Denali National Park and Preserve, Alaska, USA. - Parks. 10 (2): 35-48.
- Turner J. (1996): The abstract wild. Tucson: Univ. of Arizona Press. 1-136

Должны ли деревья иметь права?

Кристофер Стоун

В "Происхождении человека" Дарвин отмечает, что история морального развития человека представляет собой непрерывное расширение его "социальных инстинктов и симпатий". Первоначально каждый человек обращал внимание только на самого себя и тех, кто принадлежал к его узкому кругу, только позже он начал все больше и больше обращать внимание "не только на благополучие, но и на счастье всех своих собратьев". История законов демонстрирует параллельное раз-

витие. Юридические права детей уже давно признаны в принципе и постоянно расширяются на практике. Мы сделали из детей личностей, хотя по закону это не всегда было так. То же самое мы сделали с заключенными, иностранцами, женщинами, сумасшедшими, черными, зародышами, индейцами и не только материями в человеческой форме. Юридическими правами обладают корпорации, трасты, совместные предприятия, муниципалитеты, национальные государства. Во всей юридической истории каждое последующее распространение прав на какую-то новую сущность было до сих пор в какой-то мере немислимым. Мы склонны предполагать, что бесправие многих "вещей" является законом природы, именно поэтому мы откладываем рассмотрение задействованных вариан-

Опубликовано: Stone C. Should trees have standing? — Toward legal rights for natural objects. In: People, penguins, and plastic trees. Ed.: D. VanDeVeer, C. Pierce. Belmont, California: Wodsworth Publishing Company, 1987. P. 83-96. Сокращенный перевод А.Елагина, адаптация Е. Поминовой.